

Ян Си мягко улыбнулся и, указав рукой на север, сменил тему:

— Если держать путь отсюда строго на северо-восток, через бескрайнюю степь, то упруешься в горы Иньшань. На их южном склоне раскинулась благодатная долина: травы там по пояс, скота — не счесть. Именно там обосновалась большая часть племен государства Сицзя. Поистине золотая земля.

— Брат, ты хочешь отнять её у них? — спросил Ян Е.

— Отнять — дело нехитрое, да только проку в том мало, — отозвался Ян Си. — Не скрою, прежде я тоже был честолюбив. Спал и видел, как расширяю пределы империи Да Янь. Но теперь я думаю: ну завоюем мы эти бескрайние просторы, а править-то ими кому? Коли доведется управлять из рук вон плохо, мы станем ничем не лучше этих кочевников. Тогда и проливать кровь незачем. Мне нужно сильное войско лишь для того, чтобы укротить их спесь, заставить считаться с нами. Но бряцание оружием не решит пограничных распрей. Самый разумный исход — сделать Сицзя частью Да Янь. Связать их узами династических браков, привить им наши обычаи, растворить в культуре Срединной равнины. Будет спокойно на рубежах — вздохнет облегченно и простой люд по обе стороны границы. Вот только... — Четвёртый принц вздохнул. — Теперь я понимаю, что все эти великие замыслы неосуществимы, пока верховная власть не окажется в наших руках. В твоих руках, Сяо Лан. Ну что скажете, ты и Юньци?

Бэйчэнь Цин лишь мягко улыбнулся, смолчав, а Ян Е согласно кивнул, тоже не проронив ни слова. Заметив, что младший брат опустил ресницы и явно витает где-то далеко, Ян Си легонько похлопал его по плечу:

— О чем задумался, Сяо Лан?

Тот встрепнулся и поспешно отозвался:

— Да так, пустяки. Брат, мы все сделаем для того, чтобы пришел день, когда твоё слово в империи станет законом. Но когда это случится, уж позволь мне сполна насладиться безбедной жизнью. Хочу ни в чем не знать отказа!

Ян Е сморозил это ради шутки, но Четвёртый принц отнесся к его словам со всей серьезностью. Помолчав немного, он твердо произнес:

— Чего бы ты ни пожелал, Сяо Лан, брат обещает: придет время, и ты это получишь.

— Что именно?.. — Ян Е рассмеялся. — Пока не придумал, после скажу. Ты главное помни уговор и не вздумай отнекиваться!

На словах он так и сыпал шутками, но на душе вдруг заскребли кошки. Подавив подступившую горечь, он незаметно вздохнул.

Ян Си улыбнулся и перевел взгляд на Бэйчэнь Цина:

— Ну а ты, Юньци? О чем просишь ты? Говори, не стесняйся.

Бэйчэнь Цин поднял глаза. Его взгляд, чистый и глубокий, словно весенняя заводь, светился нежностью, в которой сквозило легкое смущение. Он никогда ничего не просил у Ян Си, но сейчас, собравшись с духом, тихо проговорил:

— Я, пожалуй, присоединюсь к Сяо Лану — попрошу позже. Главное, чтобы Ваше Высочество... не забыл об этом.

— Смотри-ка, сговорились, — добродушно рассмеялся Ян Си. — Решили разыграть долгую партию и заманить меня в ловушку. Что ж, Юньци, ступай готовься. Береженого бог бережет.

Приняв приказ, Бэйчэнь Цин с того же дня начал спешно приводить войска в боевую готовность. Ян Е из-за недолеченных ран не мог помогать ему в делах, а потому временно передал своих личных гвардейцев под начало Юньци, а сам остался восстанавливать силы в палатке.

С каждым днем раны Ян Е затягивались, и вскоре он уже мог понемногу ходить. В один из вечеров он прокрался в шатер к Бэйчэнь Цину и забрался под его одеяло. Вернувшись глубокой ночью после трудов, Юньци застал гостя бодрствующим. Ян Е тут же приподнялся на постели:

— Наконец-то ты вернулся, Юньци.

— Что ты тут забыл? — удивился тот. — Тебе раны лечить надо, почему до сих пор не спишь?

— Не спится, — хмуро буркнул Ян Е. Пристально взглянув на хозяина шатра, он потребовал: — Где меч Чжэньбин, что принадлежал Лин Шу? Я знаю, ты его припрятал. Отдай мне.

Бэйчэнь Цин молча подошел к стоявшему в углу сундуку, достал оттуда знаменитый клинок и протянул Ян Е. Тот принял оружие, завороченно вглядываясь в холодную сталь.

— Юньци, если императорские войска пойдут на нас войной, ты выступишь? — тихо спросил он.

— Сдюжим, — кивнул Бэйчэнь Цин. — Одно плохо — провианта маловато. Края здесь бесплодные, припасы собирать тяжело, держимся на старых запасах. Но коли начнется сеча и все маски будут сброшены, я просто отправлюсь к границе и силой отберу зерно у тыловигов.

Дело нехитрое.

— Вот и славно. Я ненадолго отлучусь. — Окинув взглядом шатер, Ян Е заметил на столе расписную шкатулку из черного дерева с золотым тиснением, в которой хранились военные верительные бирки. — А шкатулка знатная, видать, недешево обошлась. Освободи-ка её, я заберу. А сам ложись, намаялся за день.

Бэйчэнь Цин послушно вытряхнул содержимое и отдал ему ларец. Прижав шкатулку к груди и сжимая в другой руке меч, Ян Е направился к выходу. Проводив его взглядом до самого порога, Бэйчэнь Цин помедлил мгновение, а затем выскочил следом в холодную ночную тьму:

— Сяо Лан, стой... Может, все же...

Ян Е лишь отмахнулся на ходу и, не проронив ни слова, растворился в ночи.

Лагерь для пленных охранялся со всей строгостью, но подземная темница была на особом положении. Поскольку там томился столь важный невольник, как Лин Шу, Бэйчэнь Цин поручил дозор трем братьям семейства Ма. Когда Ян Е в сопровождении доверенных телохранителей, Чжунли Чжэня и Нянь Вэя, подошел к дверям, стражники почтительно распахнули перед ним кованые створки.

Навстречу поспешил Ма Тяньюнь.

— Лин Шу еще не испустил дух? — сухо осведомился Ян Е.

— Жив еще, милостивый маркиз, — покачал головой тот.

Губы Ян Е тронула едва заметная усмешка — то ли издевка, то ли горький вздох:

— И надо же, какая живучая тварь... Все еще лихорадит его? От еды небось воротит нос?

— Большую часть времени лежит без памяти, — доложил Ма Тяньюнь. — Изредка приходит в себя. От пищи отказывается наотрез, так что Тяньбао приходится силой вливать ему по капле бульон, пока тот совсем не заснёт.

— Понятно. Пойду взгляну на него, — кивнул Ян Е.

Он стал медленно спускаться по каменным ступеням глубоко под землю. За спиной послушно следовали слуги. В затхлом воздухе подземелья стояла глухая, мертвая тишина, нарушаемая лишь мерным стуком их сапог.

Подойдя к темнице, где томился пленник, Ян Е дождался, пока Ма Тяньюнь суетливо отомкнет тяжелый замок. Несколько дней назад Бэйчэнь Цин велел принести сюда теплую постель. Изнывающий от сильного жара и озноба Лин Шу лежал, свернувшись калачиком под ватным одеялом. Из-под серого сукна выбились лишь пряди темных волос. Ян Е шагнул внутрь и потянул край одеяла на себя. Лин Шу по-прежнему пребывал в беспамятстве. На его руках и ногах тускло поблескивали кандалы, а тело прикрывало то самое тряпье, в котором он в спешке бежал из шатра маркиза — изодранное и покрытое слоем дорожной грязи.

Ян Е молча созерцал эту картину, а затем негромко приказал:

— Раскуйте его. Принесите бадью с горячей водой и чистые одежды из моих запасов. Да поживее. А после оставьте нас. Убирайтесь все вон из подвала.

Стражники без лишних слов бросились исполнять волю господина.

Когда шаги затихли и в сырой камере не осталось ни души, Ян Е опустился на колени и осторожно приподнял Лин Шу, прижимая его к себе. Пленник, безвольный и легкий, послушно склонил голову ему на плечо, растеряв всю свою былую гордость.

Ян Е прикоснулся ладонью к его лбу — тот так и горел. Он негромко заговорил, словно бредил наяву:

— Лин Шу, отчего же ты все никак не умрешь? Смерть в эти дни избавила бы тебя от стольких мук... Впрочем, теперь уж пустое. Ты ведь всегда был чистоплюем, любил роскошь, а докатился до такой нищеты. Моя в том вина. Как-никак мы делили ложе, и как бы ты ни ненавидел меня, негоже мне держать тебя в этой грязи. Позволь мне помочь тебе смыть этот позор.

Когда принесли горячую воду и сверток с бельем, Ян Е велел слугам запереть дверь снаружи. Он бережно стянул с изможденного тела грязные обноски и смоченной в воде тканью омыл Лин Шу с ног до головы. Закончив, он слой за слоем облачил его в чистые нижние одежды, а поверх накинул роскошный халат нежного, как вишневый цвет, шелка. Темные волосы пленника рассыпались по плечам, кожа казалась почти прозрачной. Хоть юноша и лежал без движения, бледный как призрак, это облачение сидело на нем безупречно.

Глядя на него, Ян Е на мгновение замер, завороженный этой хрупкой красотой. Умей этот гордец уступать, умей он улыбаться — и сошел бы за утонченного юношу из цветущих краев Цзяннани, воспетого поэтами под сенью персиковых деревьев и полной луны. Сколько изящества, сколько губительного очарования таилось в его облике!

Да только Сын Неба вырастил из него своего преданного пса — надменного, холодного и презирающего весь мир.

Тяжелый вздох сорвался с губ маркиза. Смятение чувств — смесь жалости, злости и нежности — сдавило грудь. Склонившись ниже, он осторожно прижался щекой к его бледной щеке и

горько усмехнулся:

— Надо же, мои вещи пришлось тебе впору. Словно мы и впрямь одна семья. Жаль только, что хоть ты и не рожден в императорских чертогах, но преданность Сыну Неба сделала тебя величественнее любого вельможи. Куда уж мне, простому маркизу Хуайнань... Оставь я тебя при себе, долго ли ты протянешь? Да и нельзя мне больше тебя щадить. У нас не осталось иного пути, кроме мятежа, только так мы спасем свои головы. И за эту горькую долю я должен благодарить тебя.

Он бережно уложил Лин Шу обратно на ватный матрас, взял меч Чжэньбин и с тихим звоном обнажил клинок. Сталь блеснула холодным зеркалом, по камере разлилось леденящее дыхание оружия.

— Твоя сабля славится своей быстротой, Лин Шу. Ею я и оборву твою жизнь. Тело твоё я предам земле в благодатном месте, выбрав его по всем правилам фэншуй, и этот меч упокоится вместе с тобой. А вот голову... голову я отсеку и отправлю в Чанъань, подарок для Ян Тао. Пусть знает, что пути назад нет.

Лин Шу спал беспробудным сном, не ведая, что для его отрубленной головы уже припасен драгоценный ларец; не ведал он и того, как над ним медленно взметнулся сверкающий клинок. Ян Е занес руку, стиснув зубы от терзавших его сомнений, но все же заставил себя замахнуться для сокрушительного удара.

И в это самое мгновение из темноты коридора донесся спокойный голос Бэйчэнь Цина:

— Этот ларец принадлежит мне. Не смей портить его без спросу.

Ян Е вздрогнул, его мгновенно прошиб холодный пот, а наваждение рассеялось, точно кошмарный сон. Оглянувшись, он действительно увидел стоявшего у входа Бэйчэнь Цина — лицо того было безмятежным и мирным.

— Что... что за шутки? — пробормотал Ян Е, опуская оружие.

— Я лишь хотел сказать, что храню в этой шкатулке военные верительные бирки. И теперь я передумал — не отдам её под чужую башку, — с мягкой улыбкой произнес Юньци, неторопливо проходя внутрь.

Ян Е нахмурился:

— Тебе мало места для забав?

Поняв, что у друга на душе и впрямь скверно, Бэйчэнь Цин оставил шутливый тон:

— Погоди марать руки, Сяо Лан. Князь Чжао велит тебе срочно явиться в главный шатер, есть важное дело.

Ян Е недоверчиво сощурился, продолжая сжимать рукоять. На его лице отразилось упрямство напополам с наигранной безжалостностью:

— Нет, пощады не будет. Оставлю в живых — решат, будто я поддался слабости и пощадил врага из корысти. Не желаю пятнать своё имя! И вообще, с чего ты вечно за него заступаешься?

— Да мне, по правде сказать, все равно, — рассмеялся Бэйчэнь Цин. — Раз уж мы решили объявить войну двору, его участь — живой он или мертвый — ни на что не повлияет. Но коли тебе так невтерпеж, руби сейчас. А перед Князем Чжао мы сговоримся: скажем, мол, я припозднился и не успел перехватить твою руку. Идет?

Ян Е скривился пуще прежнего:

— Еще чего выдумал! Слово брата для меня — закон, ты же знаешь, послушнее меня отпрыска в роду не сыскать. Хочешь лишить меня чести перед ним? Ну уж нет, на твои уловки я не поддамся! — С этими словами он с сухим щелчком вогнал лезвие обратно в ножны. — Выкладывай, почему передумали пускать его в расход?

— Гонец от двора пожаловал, — пояснил Бэйчэнь Цин. — Еще один любимчик Сына Неба, помощник министра Цзин Хуайюй. Привез императорский указ. Не желаешь послушать?

На лице Ян Е тут же проступила лукавая усмешка:

— О, этот господин, помнится, неровно к тебе дышит? Еще бы мне не пойти! Своими глазами хочу повидать, как он станет строить тебе глазки. Ступай... я следом.

Бэйчэнь Цин покачал головой и вышел. Стоило его шагам затихнуть за поворотом, как Ян Е суетливо, но на удивление бережно натянул одеяло на плечи Лин Шу, тщательно подоткнув края. Помедлив, он вновь склонился над юношей, который так и не узнал, что только что разминул со смертью.

— Повезло тебе сегодня, шельма, — прошептал Ян Е с притворной свирепостью. — Живи пока. Пойду послушаю, чего там удумал твой венценосный покровитель. Но коли его речи мне не понравятся, вернусь и прикончу без колебаний. Так и знай!

Быстрым шагом они с Юньци вошли в главный шатер, где их уже поджидал Цзин Хуайюй, чей утонченный, почти неземной облик мало вязался с суровой обстановкой приграничного лагеря. Ян Е и Бэйчэнь Цин поспешно опустили на колени за спиной Четвёртого принца.

Цзин Хуайюй развернул свиток и звонким голосом зачитал первые строки указа, которые начинались словами:

— «Повеление покарать преступного левого заместителя судьи Верховного суда Лин Шу...»

Ян Е от удивления позабыл о приличиях и вскинул голову, глупо уставившись на посланника. Тот сделал вид, будто не заметил столь явного пренебрежения этикетом, и бесстрастно продолжил вещать:

— «... Оный Лин Шу пренебрег законами империи Да Янь, самовольно вывел гвардию Ичжэнь за пределы столицы и дерзнул явиться на рубежи, сея смуту и тревожа пограничного князя. Сего ради направляется помощник министра ритуалов Цзин Хуайюй на заставу, дабы немедленно взять под стражу преступника и доставить его в столицу для предания казни. Повиноваться сему».

Едва утихло эхо его слов, помощник министра ловким движением свернул указ в плотный валик и протянул склонившемуся Ян Си.

— Верный слуга повинуетя воле Сына Неба, — почтительно произнес Четвёртый принц, принимая свиток.

— Прошу вас, восстаньте, Ваше Высочество, — елеинным голосом запел Цзин Хуайюй. — Путь мой был далек и полон лишений, но узреть благородный лик Вашего Высочества — величайшая милость и улада для моих глаз.

И это не было пустой лестью: посланник бесстыдно, едва ли не с вожделением разглядывал Ян Си. Тот, впрочем, и бровью не повел, поднялся на ноги с величавым спокойствием, позволяя гостю насытиться зрелищем.

Ян Е, наблюдавший за этой сценой со стороны, мысленно язвил:

"Глаза вон прогляди, любуйся сколько влезет, да только не про твою честь эта добыча!"

Тем временем Цзин Хуайюй заговорил вновь:

— Осмелюсь спросить, каково ныне состояние господина Лин Шу? Безумец натворил таких бед, что Его Величество пребывает в неописуемом гневе. Мне велено без промедления доставить его в Чанъань для совершения казни.

— А отчего не отрубить ему голову прямо здесь? — подал голос Ян Е.

Цзин Хуайюй осекся, удивленно воззрившись на него, но быстро взял себя в руки:

— Помилуйте... Господин Лин долгие годы возглавлял дела в Верховном суде. В его ведении бездна тайных бумаг, да и дюжина важных дознаний осталась незавершенной. Всё это надлежит передать преемникам чин по чину. Казнить его на месте было бы верхом неблагоразумия.

Ян Е пренебрежительно фыркнул и уже набрал в грудь воздуха для новой колкости, но Ян Си мягким движением задвинул его себе за спину и с улыбкой обратился к послу:

— Прибытие господина Лина застало меня врасплох, оттого я не нашел лучшего решения, как временно поселить его среди пленных. По несчастью, суровый климат здешних мест подкосил его здоровье. Он занемог и сейчас спит под действием целебных отваров. Каюсь, недоглядел. Господин помощник министра проделал долгий путь и наверняка истомлен дорогой. Позвольте мне устроить скромный пир в вашу честь, дабы вы могли набраться сил перед обратным путем. А после мы передадим вам пленника.

Услышав о пире, Цзин Хуайюй расплылся в довольной улыбке:

— Премного благодарен Вашему Высочеству за ласку и заботу. Отведать угощения из рук столь благородного хозяина — великая честь.

К полудню, как и обещал Четвёртый принц, столы ломились от яств. За главным столом восседали Ян Си и почетный гость, а Ян Е, Бэйчэнь Цин и генерал Юань Оумин сидели подле них, поддерживая беседу.

К середине пиршества Ян Е изрядно захмелел. Его место оказалось рядом с Цзин Хуайюем, и маркиз быстро заметил, что масляные глазки столичного чиновника так и скользят то по величавому Ян Си, то по статному Бэйчэнь Цину, а временами воровато приглядываются и к нему самому. Потеряв терпение от этих нескромных взоров, Ян Е решил прикинуться пьяным. Завалившись на плечо гостя, он звучно хохотнул:

— О, господин Цзин! Мы ведь с вами старые приятели! Как покинул я столицу, так всякий день только о вас и помышлял. Ну же, осушим кубки за нашу встречу!

Маркиз принялся настойчиво подливать вино в кубок Цзин Хуайюя, фамильярно обнимая его за плечи. Убедившись, что хмель ударил чиновнику в голову, Ян Е вкрадчиво зашептал:

— Доходили до меня слухи, что государь души в вас не чаёт. Грелись бы сейчас в лучах императорской милости в сытой столице, так нет же — потащились в эту глушь из-за какого-то строптивца Лин Шу! Помню, как из-за его глупости меня едва из Чанъаня не выставили — перепутал меня с кем-то, шельма, да измывался как хотел. Коли этот безумец вернется во дворец, он ведь снова начнет плести интриги. Я за вас, господин Цзин, душой болею! Указ указом, но зная нрав Лин Шу, он по дороге изведёт вас капризами да голодовками. Сдюжите ли? Не проще ли отсечь ему голову прямо здесь, а императору доложить, мол, преставился в дороге от хвори? Государь зла на вас не задержит, верно говорю!

Цзин Хуайюй затуманенным взглядом посмотрел на него и хмельно заулыбался:

— Ну что вы, маркиз... Я человек маленький, подневольный, от воли государя отступить не смею. А поедет Лин Шу или нет — его никто не спрашивает. Мы его под конвоем повезем, чаем поить не станем. К тому же... — он заговорщически понизил голос, — у меня при себе имеется тайное личное послание Его Величества к нему. Коли заупрямится — покажу бумагу, мигом шелковым станет.

Ян Е тихонько рассмеялся, пряча торжество:

— Вот оно как! Даже личное послание имеется? Поистине, наш государь мудр и дальновиден, видит преданных слуг насквозь. Великое счастье — служить такому владыке!

Посланник усердно закивал, окончательно размякнув от вина:

— Истинно так, господин маркиз, золотые слова!

Пир горой катился до глубокой ночи. Когда небо окончательно заволгло тьмой, Ян Си велел слугам увести в доску пьяного столичного гостя в почивальню.

Ян Е, качаясь из стороны в сторону, увязался за братом в его шатер, без умолку твердя:

— Брат... послушай меня, брат! Это ловушка! Чистой воды открытый заговор! Нам суют под нос этот указ, чтобы забрать Лин Шу, а как только он окажется в безопасности, они тут же двинут на нас армию!

— Ты пьян как сапожник, ступай спать, — отмахнулся Ян Си.

Младший вцепился в его рукав мертвой хваткой:

— Да не пьян я! Я дело говорю!

Ян Си обернулся и, со смехом обняв его за плечи, мягко проговорил:

— Пускай император дрожит над своим любимым судейским, для меня этот Лин Шу — пустое место. Одним больше, одним меньше — погоды не сделает, так к чему упрямиться? Погляди на себя, едва на ногах держишься. Ступай спать. Юньци, присмотри за ним.

— Не пьян я... вовсе не пьян! — ворчал Ян Е, пока Бэйчэнь Цин бережно уволок его под локоть в их шатер.

Стоило им переступить порог своего жилища, как Ян Е ловким движением извлек из-за пазухи желтый конверт:

— Юньци, гляди-ка сюда.

Бэйчэнь Цин увиденно приподнял брови:

— Это еще что за добыча? Откуда стащил?

— У Цзин Хуайюя из-за пазухи вытянул, пока тот лыка не вязал, — ухмыльнулся Ян Е.

Он надорвал конверт и достал листок императорской бумаги с водяными драконами. На нем твердой рукой Ян Тао было начертано: «Юаньмэй, на заставе нынче свирепствуют ветры. Возвращайся домой». Подписи не стояло.

От этих строк так и веяло чем-то недозволенно-интимным. Ян Е долго разглядывал росчерк пера, а затем недоуменно спросил:

— И кто этот Юаньмэй?

— Так это же второе имя Лин Шу. Ты разве не знал? — удивился Бэйчэнь Цин.

В Ян Е вдруг вспыхнул непонятный гнев. Схватив Юньци за плечи, он с силой толкнул его назад, прижав к краю письменного стола:

— Откуда мне было знать?! Я его в глаза не видел до этой встречи! Раз ты знал, почему молчал? Что еще ты от меня скрываешь? Вечно темнишь, будто мы чужие! Тоже мне, названный брат!

Бэйчэнь Цин охнул от того, как больно врезался углом в поясницу, и поспешил оправдаться:

— Да я думал, тебе известно! Я и сам толком ничего не помню, господин Лин ведь носу на улицу не показывал. Все наши бумаги и донесения собирает Бай Тинби, они лежат в библиотеке Поместья князя Чжао. Но ты же у нас читать не любишь, вот и не заглядывал туда никогда. Сяо Лан, отпусти меня, от тебя разит вином за версту, да и спину мне до боли намял!

Ян Е медленно разжал пальцы и тяжело опустился в кресло, раздраженно ворча:

— Это же чистой воды обман! Император просто хочет забрать его невредимым. Да ни за что на свете Ян Тао не казнит своего любимчика, хоть убей не поверю!

Бэйчэнь Цин, потирая ушибленную поясницу, задумчиво кивнул:

— Я тоже не верю. Но коли ты так противишься его отъезду... неужто непременно хочешь вздернуть его собственноручно?

Ян Е оцепенел. Он поднял на друга растерянный взгляд, понимая, что и сам не ведает, чего хочет на самом деле. Видя его смятение, Бэйчэнь Цин мягко вздохнул и примирительно произнес:

— Послушай Четвёртого принца, отдай им Лин Шу. Пускай катятся. Нам обоим сейчас нужна передышка, а дальше все равно рассудит сталь. Одним врагом больше, одним меньше — наше войско это не испугает, верно? — Он легонько похлопал маркиза по плечу. — Ложись спать. А эту записку вели завтра незаметно вернуть в вещи господина Цзина.

На следующее утро Цзин Хуайюй со своей свитой тронулся в обратный путь. Под конвоем выживших гвардейцев Ичжэнь во главе с уцелевшими Дун Чунем и Дун Гэ они везли пленника обратно в столицу.

Лин Шу вынесли на носилках и устроили в крытом экипаже — негоже было везти царского любимца в позорной клетке для преступников, хотя тяжелые кандалы с него так и не сняли. Ян Е молча наблюдал за этим издали. Помедлив, он подозвал к себе Бай Тинби, вручил ему завернутый в холстину меч Чжэньбин и велел передать конвоирам.

Повернувшись к Бэйчэнь Цину, маркиз буркнул, словно оправдываясь:

— Раз уж нам безразлично, что у них прибавится один боец, так и лишний клинок погоды не сделает, верно?

Юньци лишь согласно кивнул в ответ.

Ян Си лично возглавил проводы императорского посланника. Все застыли у ворот лагеря, глядя, как повозки и всадники медленно вытягиваются в вереницу, удаляясь на юг, пока наконец их силуэты окончательно не растворились среди унылых, бесплодных приграничных холмов.

Том второй: Бескрайние пески севера

<http://bllate.org/book/19546/1998790>